

RU

Вербальная репрезентация понятия «футлярности» в ценностно-смысловом моделировании англоязычных переводов рассказов А. П. Чехова

Габдуллина А. Р.

Аннотация. Цель исследования – обосновать необходимость выявления лексем, передающих понятие «футлярности» (отстраненности, закрытости, замкнутости, ригидности, ограниченности традиционного чеховского героя) в рассказах А. П. Чехова, в рамках формирования ценностно-смысловой модели их англоязычных переводов. Статья представляет собой комплексное сравнительно-сопоставительное исследование репрезентантов данного понятия на материале рассказа А. П. Чехова «Человек в футляре», а также ряда других рассказов автора и их переводов на английский язык. Научная новизна работы состоит в рассмотрении способов вербальной репрезентации в переводе лексико-семантических единиц рассказов, тематически сгруппированных соответственно различным способам отражения «футлярности» в рамках ценностно-смыслового моделирования перевода. В результате исследования установлено, что архисема «футляр» становится средоточием художественного замысла, а лексемы, передающие понятие «футлярности», – точечными аттракторами смыслов, формирующими основную ценностно-смысловую модель в ряде произведений писателя. В ходе анализа репрезентантов понятия «футлярности» доказывается, что вследствие межъязыковой асимметрии при их передаче могут иметь место переводческие деформации.

EN

Verbal representation of the “encasement” notion in value-semantic modelling of the English-language translation versions of A. Chekhov’s short stories

Gabdullina A. R.

Abstract. The aim of the research is to substantiate the necessity to identify the lexemes that reflect the notion of “encasement” (alienation, estrangement, aloofness of the traditional Chekhov’s hero) in A. Chekhov’s short stories within the framework of formation of a value-semantic model of their English-language translations. The article presents a comprehensive comparative study of the elements that reflect the notion of “encasement” on the basis of A. Chekhov’s short story “The Man in a Case” and some other short stories by the author, as well as their translations into English. The scientific novelty of the research consists in considering the ways of verbal representation in translation of lexical-semantic units of the text thematically grouped according to various aspects of the reflection of “encasement” in the framework of value-semantic modelling of translation. As a result, it has been shown that the archiseme “case” becomes the core of the artistic idea, and the lexemes that convey the notion of “encasement” become the point attractors of the meanings, forming the main value-semantic model that appears in a number of the writer’s works. Based on the analysis of the lexical units conveying the idea of “encasement”, the article proves that in the process of their translation, some deformations associated with interlingual asymmetry may occur.

Введение

Актуальность работы определяется необходимостью изучения специфики вербальной репрезентации понятия «футлярности» в переводах рассказов А. П. Чехова на английский язык. Понятие «футлярность», в котором заключается идея закрытости, отчужденности, неспособности представителей современного писателю общества выйти за рамки привычного образа жизни, отойти от шаблонного мышления, фигурирует во многих художественных текстах А. П. Чехова. В частности, наиболее яркое и многоаспектное вербальное воплощение

оно находит в рассказе «Человек в футляре». Данные вербальные элементы становятся частью созданной автором ценностно-смысловой модели, которая должна найти отражение в переводе.

Для достижения цели исследования необходимо решить следующие задачи:

- выявить в оригиналах рассказов А. П. Чехова лексемы, передающие понятие «футлярности», и сгруппировать их по смыслу;
- исследовать особенности их репрезентации в англоязычных переводах;
- сформулировать алгоритм воспроизведения ценностно-смысловой модели посредством передачи символического значения вербальных единиц оригинального произведения при переводе.

Выбор методов исследования обусловлен целью и совокупностью поставленных задач. Для отбора языкового материала – лексем, передающих понятие «футлярности», – был применен метод сплошной выборки. Сравнительно-сопоставительный метод, метод лингвистического анализа и метод переводческого анализа использовались с целью исследования особенностей репрезентации данных лексем в англоязычных переводах. Метод изучения словарных дефиниций был задействован для выявления понятийных признаков лексических единиц оригиналов и переводов текстов с целью определения степени соответствия лексических единиц перевода лексемам оригинала.

Теоретическую и методологическую базы исследования составили труды отечественных и зарубежных ученых: работы Н. Э. Додоновой (2010), А. Белого (1910), Р. А. Ткачёвой и соавторов (Ткачёва, Мирзоева, Аксёнова и др., 2019; Ткачёва, Михайлова, Витлинская, 2020; Ткачёва, Михайлова, Аксёнова, 2021), Х. П. Стоуэлла (Stowell, 1980), в которых исследуются особенности произведений А. П. Чехова; статья С. Н. Виноградова (2010), посвященная интерпретации структуры текста; труды Н. К. Гарбовского (2004), М. А. Бородиной и В. Г. Гака (1979), в которых раскрываются вопросы семантических отношений между понятиями в аспекте перевода; Л. Ф. Миرونюк (1988), Н. В. Подольской (1978), посвященные исследованиям онимов.

Материалом для исследования послужили художественные тексты А. П. Чехова и их англоязычные переводы, выполненные переводчиками: К. Гарнетт, Р. Уилксом, Р. Э. К. Лонгом, Дж. Леджером, Г. Дэниелсом; а также текст А. С. Пушкина «Сказка о рыбаке и рыбке» и его перевод на английский язык, выполненный Р. Чендлером. В работе были использованы англоязычные и русскоязычные словари.

Художественные тексты:

- Пушкин А. С. Сказка о рыбаке и рыбке. 1833. <https://ilibrary.ru/text/456/p.1/index.html>;
- Чехов А. П. Хамелеон. 1983a. <https://ilibrary.ru/text/463/p.1/index.html?ysclid=llnmfldzbm304447589>;
- Чехов А. П. Человек в футляре. 1977. <http://chegov-lit.ru/chegov/text/chelovek-v-futlyare.htm>;
- Чехов А. П. Скрипка Ротшильда. 1986. <https://ilibrary.ru/text/978/p.1/index.html>;
- Чехов А. П. Смерть чиновника. 1983b. <https://ilibrary.ru/text/987/p.1/1/index.html>;
- Chekhov A. A Chameleon / tr. by C. Garnett. 1922a. <https://www.ibiblio.org/eldritch/ac/jr/018.htm>;
- Chekhov A. Man in a Case / tr. by R. Wilks. 2002. https://www.bookfrom.net/anton-chekhov/page,10,51831-the_lady_with_the_little_dog_and_other_stories_1896-1904.html;
- Chekhov A. Rothschild's Fiddle / tr. by R. E. C. Long. 1917. <https://archive.org/details/rothschildsfiddle00chekrich/page/n11/mode/2up>;
- Chekhov A. Rothschild's Fiddle / tr. by C. Garnett. 1920. <https://www.ibiblio.org/eldritch/ac/jr/172.htm>;
- Chekhov A. The Chameleon / tr. by G. Ledger. 2014. <http://www.pushkins-poems.com/Chekhov09.htm>;
- Chekhov A. The Death of a Civil Servant / tr. by P. Miles, H. Pitcher. 1984. https://archive.org/details/chekhovearlystor0000chek_p2g8;
- Chekhov A. The Death of a Civil Servant: And Other Stories / tr. by G. Daniels. 2012. <https://archive.org/details/deathofcivilserv0000chek/page/4/mode/2up>;
- Chekhov A. The Death of a Government Clerk / tr. by C. Garnett. 1922b. <https://www.ibiblio.org/eldritch/ac/jr/006.htm>;
- Chekhov A. The Man in a Case / tr. by C. Garnett. 1918. <https://www.ibiblio.org/eldritch/ac/jr/189.htm>;
- Pushkin A. A Tale about a Fisherman and a Fish / tr. from Russian by R. Chandler. 2011. <http://www.stosvet.net/12/chandler/index9.html>.

Словари:

- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка (современное написание слов). 1998. http://az.lib.ru/d/dalx_w_i/text_0110.shtml;
- Мюллер В. К. Англо-русский словарь. 1969. <https://eng-rus-muller-dict.slovaronline.com/>;
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 1992. http://lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegow_s_q.txt;
- Орленко Л. В. Терминологический словарь одежды. 1996. https://gufo.me/dict/fashion_encyclopedia/Вицмундир;
- Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978;
- Устаревшие слова. 2016. <http://web.archive.org/web/20210724230615/http://www.slovaustareli.ru/fufajka/>;
- Cambridge Dictionary. <https://dictionary.cambridge.org/>;
- Multitran. <https://www.multitran.com/m.exe?l1=1&l2=2&s=Grunt&l2=2>;
- Rhys D. Animal Symbolism – An A-to-Z Guide. 2022. <https://symbolsage.com/animal-symbolism-spiritual-meaning/>.

Практическая значимость работы обусловлена возможностью использования полученных результатов с целью дальнейшего исследования роли несущих символическое значение лексем и способов их передачи

для воссоздания в переводе ценностно-смысловых моделей произведений А. П. Чехова, а также в практике перевода и спецкурсах по художественному переводу.

Обсуждение и результаты

В работе Н. Э. Додоновой (2010) «Перевод А. П. Чехова: универсальное и национальное» отмечается, что в большинстве произведений А. П. Чехова раскрывается национальная специфика русского менталитета. Во многих рассказах писателя описываются модели поведения традиционного героя – «маленького человека», исследуются особенности его взаимоотношений с обществом. С другой стороны, Х. П. Стоуэлл в своей монографии, посвященной исследованию техники письма писателя, подчеркивает, что для произведений А. П. Чехова характерно воспроизведение потоков ассоциаций, «выплеснутых» через эмоции и логику бессознательного; «процесс, напоминающий то, как мы воспринимаем жизнь» (Stowell, 1980). А. Белый (1910) считает, что за начало реального в произведениях автора берется образ переживания, а за форму – символ, в понимании автора, «Чехов более всего символист, более всего художник». Глубокий социальный подтекст, эмоциональная наполненность и яркость воплощения художественного символа в текстах А. П. Чехова оставляют свой отпечаток на стратегии перевода рассказов автора, где «главным объектом оказывается не столько языковой состав исходного текста, сколько его содержательное и эмоционально-эстетическое значение с учетом прагматики получателя» (Додонова, 2010, с. 86). Безусловно, перевод базируется на различного вида трансформациях, включающих лексические, грамматические, лексико-грамматические и стилистические, однако в качестве системообразующего фактора предстает созданная автором ценностно-смысловая модель, которая должна найти воплощение в переводе.

Итак, воспроизведение ценностно-смысловой модели является одним из основополагающих факторов, служащих для создания адекватного перевода, и предполагает следование соответствующему алгоритму. Воссоздать созданную писателем ценностно-смысловую модель становится возможным благодаря использованию определенных вербальных единиц. Полагаем, в ряде рассказов А. П. Чехова среди единиц, концентрирующих ценностные смыслы, фигурируют лексемы, воплощающие идею «футлярности» – отчужденности и психологической ригидности героев на фоне семейных и общественных отношений. Она пронизывает многие известные художественные тексты писателя, в том числе такие рассказы, как «Хамелеон», «Смерть чиновника», «Скрипка Ротшильда». О чрезвычайной важности данного элемента текста в творческой парадигме писателя говорит появление лексемы «футляр» в названии одного из произведений автора – «Человек в футляре» (1898), в котором, полагаем, наиболее ярко проявляется понятие «футлярности» чеховского героя – «маленького человека». Об этом в том числе свидетельствует многократное повторение в оригинальном тексте лексем «футляр», «оболочка», «чехол», «чехольчик». По справедливому суждению С. Н. Виноградова, «множество наиболее частотных лексических единиц» (2010, с. 346) текста можно рассматривать как его важную структурную часть, выражающую его основные смыслы. «Футляр» выступает в роли архисемы или интегральной семы, охватывающей все понятия, обозначаемые словами, принадлежащими «понятийному полю» (Бородина, Гак, 1979, с. 10), и становится неким точечным смысловым аттрактором, помогающим раскрыть широкий спектр проблем человеческой жизни через мировоззрение отчужденного героя, его привычки, поведение в социуме, предпочтения в одежде и прочее.

Понятие «футлярности» достаточно многоаспектно представлено в текстах автора; для его передачи автором задействованы разнообразные лексические средства. В ходе исследования выявлено, что актуализация в переводе лексем, отражающих понятие «футлярности», может вызывать определенные трудности вследствие межъязыковой асимметрии и в отдельных случаях приводит к деформации смыслов. Термин «межъязыковая асимметрия» использован Н. К. Гарбовским для обозначения характера «отношений между исходным текстом и текстом перевода» (2004, с. 369) и, в понимании ученого, проявляется в отсутствии «равнозначных соответствий» (2004, с. 369) между элементами языков.

Лексемы, отражающие понятие «футлярности», можно условно разделить на несколько групп, связанных с предметами одежды и аксессуарами, привычками персонажей, пространством их обитания. О важности таких элементов говорят многие филологи, отмечая, что «художественная деталь» в чеховском повествовании «всегда играет важную роль в формировании многообразных смыслов, заложенных в образе героя» (Ткачёва, Михайлова, Витлинская, 2020, с. 176).

В целом ряде рассказов «футлярность» героев подчеркивают элементы одежды. Одним из таких элементов является *шинель*, упоминающаяся неоднократно в рассказах писателя при описании героя – «маленького человека». Отметим, что данный элемент одежды фигурирует и в произведениях других русских писателей XIX века, в частности такого автора, как Н. В. Гоголь. Примечательно сходство сюжетов повести Н. В. Гоголя «Шинель» и рассказа А. П. Чехова «Смерть чиновника», в которых описывается «маленький человек» в столкновении с важным должностным лицом. Шинель, как и вицмундир, – атрибуты, подчеркивающие статус чиновников. Башмачкин из повести Н. В. Гоголя одержим идеей приобретения новой шинели, а чеховский Червяков, намереваясь извиниться перед генералом, надевает новый вицмундир, не снимая которого впоследствии и умирает: ...*придя машинально домой, не снимая вицмундира, он лег на диван и... помер*. Актуализация в переводе подобных элементов вызывает определенные трудности, что в том числе связано с лингвокультурологическими особенностями исходного языка. Так, в Терминологическом словаре одежды Л. В. Орленко (1996) дает следующая дефиниция понятия *вицмундир* (лат. *vice* – место, *наподобие* + *tundus* – убор, наряд) – *форменный*

сюртук гражданских чиновников в дореволюционной России. В представленных ниже примерах переводчики при передаче данного термина прибегают к стратегии доместикации, заключающейся в «приближении переводимого текста к реалиям и культуре языка перевода» (Морозкина, Тимирбаева, 2019, с. 991), используя связанные с ним более общие понятия, представленные в языке перевода. При этом оба переводчика сохраняют сему, которая позволяет подчеркнуть принадлежность героя к классу служащих: Гарнетт использует слово **uniform**, значение которого в словаре Cambridge Dictionary описывается следующим образом: *a particular set of clothes that has to be worn by the members of the same organization or group of people* (специальный комплект одежды, который должны носить члены определенной организации или группы людей (здесь и далее, если не указано иное, перевод выполнен автором статьи. – А. Г.)). Ср.: *...without taking off his uniform, he lay down on the sofa and died* (Garnett). В переводе Гая Дэниелса приводится следующий вариант: *...he lay down on the sofa without taking off his dress coat, and died* (Daniels). Считаем сочетание **dress coat** равным образом удачным, поскольку одно из значений, которое оно имеет, в соответствии с Англо-русским словарем Мюллера (1969), – *парадный мундир*.

В рассказе «Хамелеон» также многократно упоминается лексема *шинель* как символ принадлежности героя к соответствующему чину. Автор, используя символическое снятие и надевание шинели (в сочетании с говорящим названием рассказа – *Хамелеон*, метафорично передающим сущность протагониста), показывает смены в умонастроении героя, которые тесно связаны со стремлением услужить вышестоящим.

В структуре рассказа при описании персонажа Чехов неоднократно меняет лексему, обозначающую форму одежды Очумелова: наряду с лексемой *шинель* в тексте используется лексема *пальто*. Ср.: *Очумелов в новой шинели / [при упоминании о генерале Жигалове] Сними-ка, Елдырин, с меня пальто... / запахиваясь в шинель*. Такая смена предмета одежды говорит о наличии имплицитных смыслов, передающих отношение Очумелова к своему статусу: шинель предполагает статус полицейского надзирателя, к которому сам персонаж относится с почтением. Обратимся к определениям данных лексических единиц, предложенным в Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (1992): *шинель* – *форменное пальто со складкой на спине и хлястиком; пальто – верхняя одежда, обычно ниже колен*. В переводах К. Гарнетт и Дж. Леджера данное различие обозначенных лексем исчезает и имплицитные смыслы задуманной автором оппозиции, проявляющейся в чередовании лексем *шинель* – *пальто*, остаются переданными. Ср.:

Otchumyelov... wearing a new overcoat (Garnett). / *Ochumelov, dressed in a new overcoat* (Ledger).

Help me off with my coat, Yeldyrin (Garnett). / *Here, Yeldirin, let's have my overcoat back* (Ledger).

...wrapping himself in his greatcoat (Garnett). / *...wrapping himself in his overcoat* (Ledger).

Как видим, лишь в последнем предложении Гарнетт перевела рассматриваемую лексему *шинель* ближе к оригиналу: об этом можно судить по данному в словаре Cambridge Dictionary определению: **greatcoat** – *a long, heavy, warm coat, worn especially by soldiers over their uniform* (в отличие от **coat** – *an outer piece of clothing with sleeves that is worn over other clothes, usually for warmth*). Таким образом, исследуя представленные единицы, обозначающие предметы верхней одежды, можно сделать вывод, что понятие *шинель* широко используется А. П. Чеховым для трактовки его восприятия проблемы «маленького человека», который, даже имея некое положение в обществе, должность, подчеркиваемую с помощью данного атрибута, склонен к чинопочитанию и самоуничтожению.

Возвращаясь к рассказу Чехова «Человек в футляре», необходимо отметить, что в нем внешняя «футлярность», являющаяся отражением внутреннего конфликта протагониста с обществом, проявляется в стремлении героя «окружить себя оболочкой», закрыться, отгородиться от окружающего мира. Такую тенденцию символического отображения «футлярности» героя можно проследить в ходе анализа лексем, использованных для описания деталей одежды, состоящей из следующих атрибутов: *калоши* (*galoshes* (Wilks); *galoshes* (Garnett)), *зонтик* (*umbrella* (Wilks; Garnett)), *менлое пальто на вате* (*a thick, padded overcoat* (Wilks); *a warm wadded coat* (Garnett)), *фуфайка* (*a jersey* (Wilks); *flannel vests* (Garnett)). Среди указанных лексических единиц можно выделить лексему *фуфайка*, при переводе которой происходит частичная деформация смысла, вызванная отсутствием в языке перевода полного лексического соответствия ввиду непредставленности в культуре принимающего языка обозначаемого реалией предмета одежды. В Толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля (1998) представлено следующее определение термина «фуфайка»: «короткая, теплая поддевка, байковая, вязаная шерстяная либо стеганая и пр.». Вместе с тем в интернет-словаре устаревших слов находим свидетельство о том, что в рамках культуры русского народа наиболее типично трактовать данное понятие как куртку из стеганой ткани (Устаревшие слова, 2016). С большой степенью вероятности именно такого рода предмет одежды упомянут Чеховым в рассказе. Заметим, что существуют различные способы передачи подобных реалий. Например, в переводе «Сказки о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина, осуществленном Робертом Чендлером, лексема «душгрейка», использованная при описании одеяния старухи после воплощения золотой рыбкой ее очередного желания, переведена посредством приема калькирования и экспликации, что позволило сохранить национальный колорит высказывания. Ср.: *...в дорогой собольей душгрейке* (Пушкин, 1833). / *...wearing a splendid 'soul-warmer' – a precious waistcoat trimmed with sable* (Pushkin, 2011). Как видим, переводчик пояснил в примечании смысл образованной посредством приема калькирования лексемы «soul-warmer» фразой «*a precious waistcoat trimmed with sable*» (*дорогой жилет, отороченный соболем*). При переводе же рассматриваемой нами реалии «фуфайка» в рассказе А. П. Чехова авторы применили стратегию доместикации, передав ее посредством лексем *a jersey* (Wilks) (*свитер*) и *flannel vest* (Garnett) (*фланелевый жилет*). Заметим, что перевод рассматриваемой единицы осуществлен с опорой на отношения внеположенности, которые «имеют место, когда объемы двух понятий полностью исключают друг друга и при этом не исчерпывают

области предметов, о которой ведется рассуждение» (Горский, 1958, с. 49). Так, лексемы *фуфайка*, *jersey* и *flannel vest* относятся к единому понятийному полю «теплая нательная одежда, которую носят на верхней части тела». Именно на основании этого факта и происходит компенсация исходной лексемы терминами, нашедшими репрезентацию в переводе. Примечательно, что логические отношения внеположенности достаточно часто лежат в основе переводческих операций при передаче безэквивалентной лексики, встречающейся в саомытных рассказах А. П. Чехова, соответствующих эпохе XIX века. Подобным образом для их передачи переводчики подбирают соответствия в рамках предметной области, опираясь на определенную архисему. Однако зачастую варианты, представленные переводчиками, приводят к утрате национального колорита. При переводе лексемы «фуфайка» произошла утрата некоторых оттенков имплицитного смысла «футлярности» этого предмета одежды. В понимании русскоязычного читателя фуфайку можно застегнуть на пуговицы; в таком случае фуфайка становится своего рода «футляром». Полагаем, что перевод лексемы *фуфайка* с помощью лексемы *jersey* не является целесообразным, поскольку в данном случае имплицитное сравнение предмета одежды с футляром исчезает.

Понятие «футлярности» также отражено в описании принадлежащих герою аксессуаров, каждый из которых облачен в своего рода чехол: ...зонт в чехле (*umbrella in a holder* (Wilks); *umbrella was in a case* (Garnett)); ...часы в чехле из серой замши (*watch in a grey chamois leather pouch* (Wilks); *watch was in a case made of grey chamois leather* (Garnett)); ...нож... в чехольчике (*penknife... had its own little case* (Wilks); *penknife, too, was in a little case* (Garnett)). Множественный повтор лексемы «чехол» / «чехольчик» не случаен. Эти повторы можно трактовать как стилистический прием, с помощью которого автор способствует тому, чтобы мысль о «зачехленности» персонажа укрепилась в сознании читателя. Отметим, что в переводе К. Гарнетт повторы сохраняются, тогда как в переводе Р. Уилкса, за счет его стремления избежать повторов, стилистический и когнитивный эффекты оригинала теряются.

Кроме того, на «футлярность» главного героя указывают некоторые его привычки, выраженные посредством сочетаний, содержащих лексемы с семой *ограниченности*: ...лицо, казалось, тоже было в чехле, так как он всё время прятал его в поднятый воротник (*His face seemed to have its own cover as well, as he always kept it hidden inside his upturned collar* (Wilks); *his face seemed to be in a case too, because he always hid it in his turned-up collar* (Garnett)); ...когда (он) садился на извозчика, то приказывал поднимать верх (*had the top up when he rode in a cab* (Wilks); *when he got into a cab always told the driver to put up the hood* (Garnett)). Как видим, для передачи привычек героя используются лексические единицы чехол (*case, cover*), прятать (*keep hidden, hid*), поднятый воротник (*upturned collar, turned-up collar*), поднимать верх (*have the top up, put up the hood*). Сочетание *лицо, казалось, тоже было в чехле*, с нашей точки зрения, удачнее воспроизведено в варианте перевода Гарнетт. В переводе Уилкса лексема чехол трансформируется в единицу *оболочка* (*cover*), что вызывает частичную деформацию смысла.

Определенные лексические сочетания, позволяющие выявить нежелание героя видеть и слышать то, что происходит вокруг, также становятся репрезентантами понятия «футлярности»: ...он носил темные очки (*he wore dark glasses* (Wilks); *he wore dark spectacles* (Garnett)); ...уши (он) закладывал ватой (*stuffed his ears with cotton-wool* (Wilks); *stuffed up his ears with cotton-wool* (Garnett)); нежелание контактировать с окружающим миром проявляется через его стремление... создать себе... футляр (*longing... to create a protective cocoon* (Wilks); *impulse... to make himself... a case* (Garnett)). При передаче словосочетания *создать себе футляр* К. Гарнетт выбрала, на наш взгляд, более удачный вариант (*to make oneself a case*), в отличие от Уилкса, использовавшего словосочетание *to create a protective cocoon*. Несмотря на тот факт, что лексему *cocoon* можно трактовать как символ закрытости, многослойной защиты от внешнего мира, в силу значения этого слова, воплощающего, скорее, временную закрытость [внутри кокона], предполагающую дальнейшую трансформацию, считаем вариант перевода Р. Уилкса менее уместным. В англоязычном источнике, посвященном толкованию символов, слово *cocoon* трактуется как символ перерождения: ...*a caterpillar reborn from the cocoon as a winged creature makes it a symbol of rebirth and resurrection* (Rhys, 2022). / «...гусеница, возрождающаяся из кокона в виде крылатого существа, делает его символом возрождения и воскрешения». Как видим, использование в переводе лексемы *cocoon* (кокон) приводит к смысловой деформации, поскольку в контексте произведения возрождения героя, его «избавления от кокона», «выздоровления» не происходит.

Ограниченность, «футлярность» также передается с помощью пространственных реалий, способных «являть собою определенные нравственные и мировоззренческие нормы и представления» (Ткачёва, Мирзоева, Аксёнова и др., 2019, с. 38-39). Пространственную метафору «футляра» может представлять жилище. Например, в рассказе «Скрипка Ротшильда» Яков-гробовщик не только занимается изготовлением гробов, но и живет в деревянной избе, в которой всего одна комната и которая являет собой, по сути, «пространственную метафору гроба» (Ткачёва, Михайлова, Аксёнова, 2021, с. 17): ...жил он бедно... в небольшой старой избе, где была одна только комната, и в этой комнате помещались он, Марфа, печь, двухспальная кровать, гробы, верстак и всё хозяйство. / ...and he lived as poorly as a simple muzhik in a little, ancient cabin with only one room; and in this room lived he, Marfa, the stove, a double bed, the coffins, a joiner's bench, and all the domestic utensils (Long). / ...and he lived in a poor way like a humble peasant, in a little old hut in which there was only one room, and in this room he and Marfa, the stove, a double bed, the coffins, his bench, and all their belongings were crowded together (Garnett). Отметим, что оба переводчика при передаче лексемы *изба* обратились к стратегии доместикации, употребив приближенный перевод, при этом сохранив сему ограниченного тесного пространства (*little, ancient cabin; little old hut*). Сжатость пространства, символически передающая состояние упадка, создается и с помощью описания городка, в котором обитает герой: *Городок был маленький, хуже деревни, и жили в нем почти одни только старики, которые умирали так редко, что даже досадно.* / *The town was small – no better than a village –*

and it was inhabited almost entirely by **old people** who died so seldom that it was **positively painful** (Long). / The town **was a little one, worse than a village**, and it was inhabited by scarcely any but **old people** who died with an infrequency that was really **annoying** (Garnett). В данном предложении понятие о тесноте города передается путем сравнения его с деревушкой, которое переводчики сохраняют в англоязычном варианте, причем К. Гарнетт использует прямой перевод, а Р. Э. К. Лонг – антонимический (*маленький, хуже деревни – a little one, worse than a village / small – no better than a village*).

Подобным образом в рассказе «Человек в футляре» понятие «футлярности» передают лексические единицы, использованные для описания сжатого пространства, где обитает персонаж: душный город, дом с разными запретами и ограничениями, маленькая спальня (точно ящик), кровать с пологом. Здесь прослеживается следующий лексико-семантический ряд: ...*город, в духоте, в тесноте (a crowded, stuffy town (Wilks); town, airless and crowded (Garnett)), ...спальня... маленькая, точно ящик (bedroom was small, like a box (Wilks); a little bedroom like a box (Garnett)), ...кровать с пологом (a four-poster (Wilks); his bed had curtains (Garnett))*. При переводе словосочетания *кровать с пологом* К. Гарнетт использует фразу *his bed had curtains* (досл. «кровать его была с занавесками»), что в некоторой степени изменяет смысл высказывания: если Чехов предполагал ограниченность кровати со всех сторон, то в переводе эта идея исчезает.

Отметим, что для передачи идеи «футлярности», ригидности, а также ограниченности героев от мира и общества писатель использует целый ряд зоонимов. В данной статье мы придерживаемся определения зоонима, представленного в работе Л. Ф. Миронюк. Исследователь считает, что зоонимами являются как наименования животных, так и производные от них, а также слова, так или иначе связанные с именами животных (Миронюк, 1988). Отсылки к образам животных при описании персонажей встречаются в рассказах Чехова достаточно часто. Характерным для ранних произведений писателя является использование антропонимов, в которых скрывается метафоричное сравнение человека с каким-либо животным. Антропоним, соответственно определению Н. В. Подольской, – вид онима, обозначающий «имя, которое может иметь человек (или группа людей) в том числе личное имя, отчество, фамилия, прозвище, псевдоним, криптоним, кличка» (1978, с. 30-31). Например, в рассказе «Смерть чиновника» автор дает протагонисту говорящую фамилию Червяков, которая метафорически отражает его привычку пресмыкаться перед вышестоящими. При использовании типичного способа перевода имен собственных – транскрипции и транслитерации – данный смысл теряется, что, например, можно наблюдать в переводе рассказа, осуществленного Гаем Дэниелсом (*Червяков – Chervyakov (Daniels)*). Несколько более удачным представляется перевод К. Гарнетт: подобно представленному ранее переводу, он выполнен с использованием приема транскрипции, однако переводчик упоминает в сноске факт сходства фамилии с наименованием животного, к которому делается отсылка (“Tchervyakov: the name is similar to *chervyak* (worm)” (Garnett)). Наиболее интересный вариант передачи «говорящего имени» находим в переводе рассказа «Смерть чиновника», выполненного П. Майлзом и Г. Питчером. С опорой на представленный в оригинале антропоним переводчики подбирают эквивалент *Kreepikoff* от английского *to creep – пресмыкаться, ползать*.

В рассказе «Хамелеон» фигурирует антропоним *Хрюкин*, который у читателя невольно ассоциируется с «хрюкающим» животным – свиньей. Лексема *свинья* в русском языке вызывает представление о человеке невоспитанном, некультурном. Лексема «хрюка», используемая в русскоязычном сленге, также означает «плакса», «замарашка». При переводе данного антропонима К. Гарнетт использует прием транскрипции и транслитерации и пояснительную ссылку: *Hryukin: usually transliterated as Khryukin; Khryu-khryu is the representation in Russian of a pig's grunt* (Garnett). Более творчески к проблеме вновь подошли П. Майлз и Г. Питчер, передав антропоним с помощью эквивалента *Grunkin* (Miles, Pitcher) (от слова *to grunt* [grʌnt] глг. – ворчать; хрюкнуть (of a pig); брюзжать (Мультитран)). В контексте перевода рассказа такое решение вполне мотивировано, поскольку сохранена возможность двойственной трактовки лексемы, как заключающей имплицитное сравнение со свиньей, так и отражающей особенности характера плаксивого героя, перед толпой жалующегося на маленькую собачонку. Таким образом, упомянутые «говорящие» фамилии героев указывают на ограниченность персонажей, обладающих этими фамилиями, характерные для них пороки и нуждаются в аккуратном воспроизведении в переводе.

Говоря об иных формах проявления в чеховских текстах зоонимов при характеристике героев, отметим, что в рассказе «Человек в футляре» содержатся эксплицитные и имплицитные ссылки на представителей животного мира, которые традиционно метафорически воспринимаются как животные, обитающие в замкнутом пространстве: *рак-отшельник*, который скрывается в своей скорлупе, *улитка*, укрывающаяся в раковине, *медведь-отшельник*, одиноко живущий в своей берлоге. Из данных словосочетаний с зоонимами можно сформировать следующий семантический ряд: ...*как рак-отшельник или улитка. / ...like hermit crabs or snails (Wilks); ...like a hermit crab or a snail (Garnett), ...стараятся уйти в свою скорлупу. / ...they are, always seeking safety in their shells (Wilks); ...try to retreat into their shell (Garnett), ...жил одиноко в своей берлоге. / ...lived alone in their dens (Wilks); ...lived alone in his den (Garnett)*. Как видим, при передаче сочетания *как рак-отшельник или улитка* переводчики Уилкс и Гарнетт использовали существительные множественного и единственного числа соответственно, разные формы артикля – нулевой и неопределенный. Если в переводе Уилкса речь идет о целом классе моллюсков – раков-отшельников и улиток, то в переводе Гарнетт – об отдельных представителях этого класса; однако в целом смысл фразы сохраняется, поскольку рассматриваемое сравнение человека с представителями животного мира носит абстрактный характер. Словосочетание *уйти в свою скорлупу* переводчики передают по-разному: если в переводе Уилкса добавляются оттенки значения, в частности смыслы о том, что в своих укрытиях

можно чувствовать себя в безопасности, то в переводе Гарнетт представлена идиома *to retreat into one's shell* (замкнуться в своей скорлупе; спрятаться в раковину), которая, в нашем понимании, является более точным и удачным вариантом перевода словосочетания, так как, подобно фразе оригинального текста, может трактоваться как в прямом, так и в переносном смысле.

Как справедливо отмечает Е. А. Морозкина, словосочетания с зоонимами в оригинальном тексте передают «важный доминантный смысл о неизбежности связи человека с животным миром, с природой, когда он волей-неволей поступает согласно природному инстинкту самосохранения и когда его поведение очень напоминает поведение и повадки представителей животного мира» (2018, с. 245). Так, в рассказе «Человек в футляре» Беликов сравнивается с *хорьком*: *...(на) маленьком лице, как у хорька. / ...a little face like a pole-cat's* (Garnett); *...little face (you know, it was just like a ferret's)* (Wilks). Как известно, хорек представляет собой маленького зверька с острым носиком, который в случае опасности пытается скрыться. Используя данный зооним для сравнения с ним главного персонажа, автор подчеркивает такие его качества, как робость, боязливость, стремление спрятаться, избежать общества. Переводчики используют разные лексемы для передачи зоонима «хорек». В переводе Гарнетт фигурирует лексическая единица “pole-cat”, тогда как у Уилкса – “ferret”. Разница состоит в том, что “pole-cat” – лесной хорек, “ferret” – домашний. Полагаем, что оба варианта являются приемлемыми, поскольку приведенные выше характеристики присущи обоим видам животного.

Понятие «футлярности», отграниченности от общества также связано с такими лексическими единицами, представленными в тексте, как *атавизм*, *предок*. В этом случае подчеркивается идея ухода от современности в древние времена, когда человечество жило в период каменного века и в обществе социальные связи находились на примитивном уровне. Таким образом, в текст вводится понятие времени и появляется бинарная оппозиция современности и древнего периода в истории цивилизации. В рассказе Чехова встречаем сравнение персонажа с представителями древнего человечества посредством следующих сочетаний: *...явление атавизма, возвращение к периоду, когда предок человека не был еще общественным животным. / ...an example of atavism, a return to the times when our ancestors were't social animals* (Wilks); *...an instance of atavism, a return to the period, when the ancestor of man was not yet a social animal* (Garnett). В переводах наблюдаем различия в числе при передаче лексемы *предок человека* (*our ancestors, the ancestor of a man*), однако в данном случае оба варианта перевода являются допустимыми, поскольку речь идет о группе представителей предшествующих поколений.

Заключение

Итак, в данной работе были выявлены и проанализированы лексемы, передающие понятие «футлярности», в рамках ценностно-смыслового моделирования переводов рассказов А. П. Чехова. Определено, что вербальная репрезентация данного понятия осуществлена с помощью многообразных форм и вариаций «разноуровневых языковых средств» (Морозкина, Габдуллина, 2022, с. 417). Идея «футлярности» находит воплощение в обширном количестве произведений Чехова, в том числе в рассмотренных в настоящей работе рассказах «Смерть чиновника», «Хамелеон», «Скрипка Ротшильда», «Человек в футляре». Своеобразие рассказа «Человек в футляре» состоит в том, что архисема «футляр» становится, выражаясь словами Ю. М. Лотмана, «генетической основой» сюжета. Добавим, что футляр выступает в роли символа, который красной нитью проходит через тексты писателя и находит отражение в самых разнообразных деталях чеховского повествования. В статье рассмотрены способы вербальной репрезентации понятия «футлярности» в переводах рассказов А. П. Чехова через тематически сгруппированные лексико-семантические единицы, передающие форму одежды, особенности аксессуаров и пространства обитания чеховского героя – «маленького человека». Архисема «футляр», включающая в себя широкий спектр как эксплицитных, так и имплицитных значений, способствует воплощению авторского замысла, в основе которого лежит отражение идеи замкнутости, отчужденности личности, отграниченной от окружающего мира. Таким образом, лексемы, передающие понятие «футлярности», являются «точечными аттракторами» (Сафина, Морозкин, 2021, с. 1139) смыслов, формирующими элементы ценностно-смысловой модели произведения. Полагаем, что алгоритм ценностно-смыслового моделирования перевода должен состоять из следующих этапов: выявление ценностно-смыслового посыла автора; выделение слов-символов, сопряженных с ценностно-смысловым посылом произведения; подбор эквивалентов, наиболее точно отражающих суть заложенных в лексемы автором смыслов с учетом языковых особенностей единиц оригинального текста. Точное воспроизведение в переводе ценностно-смысловой модели оригинального произведения призвано обусловить надлежащую интерпретацию основной идеи автора, в понимании которого «футлярность» не столько связана с отдельным персонажем, сколько отражает философско-социальную проблему человеческой ограниченности. Причем личность «маленького человека» Чехова обрисована не разоблачительно, а, скорее, сочувственно. Анализ лексико-семантических рядов, выражающих различные аспекты понятия «футлярности», показал, что вследствие межъязыковой асимметрии при воссоздании некоторых лексем, передающих понятие «футлярности», в англоязычном переводе могут иметь место деформации смыслов.

Перспективным представляется сопоставительное изучение в аспекте межъязыковой асимметрии вербальной репрезентации лексем, отражающих ценностные послы автора, в парадигме раскрытия их символических смыслов в оригиналах и переводах художественных текстов А. П. Чехова, а также других произведений отечественных и зарубежных писателей.

Источники | References

1. Белый А. Луг зеленый: книга статей. 1910. http://az.lib.ru/b/belyj_a/text_0440.shtml
2. Бородин М. А., Гак В. Г. К типологии и методике историко-семантических исследований (на материале лексики французского языка). Л.: Наука, 1979.
3. Виноградов С. Н. К проблеме интерпретации структуры текста // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2010. № 5-1.
4. Гарбовский Н. К. Теория перевода. М.: Изд-во Московского университета, 2004.
5. Горский Д. П. Логика. М.: Учпедгиз, 1958.
6. Додонова Н. Э. Перевод А. П. Чехова: универсальное и национальное // Вестник Московского университета. 2010. № 3.
7. Миронюк Л. Ф. Семантическая типология славянских зооморфических глаголов. Днепропетровск: ДГУ, 1988.
8. Морозкина Е. А. Вариативность перевода «текстовой аномалии» // Сопоставительно-типологический ракурс в исследовании разноуровневых языков: мат. междунар. конф. (г. Уфа, 23-24 апреля 2018 г.). Уфа, 2018.
9. Морозкина Е. А., Габдуллина А. Р. Репрезентация маркеров категории неопределенности в художественном переводе как отражение когнитивной стратегии автора // Вестник Башкирского университета. 2022. Т. 27. № 2.
10. Морозкина Е. А., Тимирбаева О. О. Геральдическая конструкция в романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» в аспекте перевода // Вестник Башкирского университета. 2019. Т. 24. № 4.
11. Сафина З. М., Морозкин Н. Н. Фракталы в переводоведении и других науках // Вестник Башкирского университета. 2021. Т. 26. № 4.
12. Ткачёва Р. А., Мирзоева В. М., Аксёнова Е. Д., Кузнецова А. А. «Там нас полюбили бы»: храмы города повествователя в романе Л. Добычина «Город Эн» // General Question of World Science: Collection of Scientific Papers on Materials of the International Scientific-Practical Conference (Brussel, 30.03.2019). Brussel: Science Russia, 2019.
13. Ткачёва Р. А., Михайлова Н. Д., Аксёнова Е. Д. «...Прозвище у него было почему-то – Бронза» (по рассказу А. П. Чехова «Скрипка Ротшильда») // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 12 (114).
14. Ткачёва Р. А., Михайлова Н. Д., Витлинская Л. Г. Образотворческая роль художественной детали в рассказе А. П. Чехова «Враги» // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 12-3 (102).
15. Stowell H. P. Literary Impressionism. James and Chekhov. 1980. <https://archive.org/details/literaryimpressi0000stow/page/30/mode/2up?view=theater>

Информация об авторах | Author information**Габдуллина Аккош Раффасовна¹**¹ Уфимский университет науки и технологий**Gabdullina Akkosh Raffasovna¹**¹ Ufa University of Science and Technology¹ Akkosch@yandex.ru**Информация о статье | About this article**

Дата поступления рукописи (received): 14.09.2023; опубликовано online (published online): 23.10.2023.

Ключевые слова (keywords): художественный перевод; межъязыковая асимметрия; А. П. Чехов; понятие «футлярности»; переводческие деформации; literary translation; interlingual asymmetry; A. Chekhov; notion of “encasement”; translation deformations.